



А. В. Д е м к и н

«Дней  
Александровых  
прекрасное начало»

Внутренняя политика

Александра I

в 1801–1805 гг.

Андрей Дёмкин

**«Дней Александровых прекрасное  
начало...»: Внутренняя политика  
Александра I в 1801–1805 гг.**

Издательство «Кучково поле»

2012

УДК 94  
ББК 63.3(2)47

**Дёмкин А. В.**

«Дней Александровых прекрасное начало...»: Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. / А. В. Дёмкин — Издательство «Кучково поле», 2012

ISBN 978-5-9950-0280-2

В предлагаемой вниманию читателя книге автор впервые в полном объеме исследует внутреннюю политику императора Александра I начального периода его царствования (1801–1805).

УДК 94  
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9950-0280-2

© Дёмкин А. В., 2012  
© Издательство «Кучково поле», 2012

## Содержание

Введение	5
Глава первая	8
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

# Андрей Демкин

## «Дней Александровых прекрасное начало...»: Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг.

### Введение

В предлагаемой вниманию читателя работе исследуется внутренняя политика первых лет царствования Александра I: 1801–1805 гг. Именно об этих годах А. С. Пушкин писал в стихотворении 1822 г. «Послание цензору»: «Дней Александровых прекрасное начало...». В то же время этот период и начался, и закончился для самого Александра Павловича сильными переживаниями. При всей внутренней готовности двадцатитрехлетнего молодого цесаревича занять российский престол страшная гибель отца – Павла I, буквально забитого насмерть заговорщиками ночью 12 марта 1801 г., не могла не вызвать сильного психологического потрясения. Подобным же образом закончилась для Александра I и Аустерлицкая битва 2 декабря 1805 г.: император мог попасть в плен, погибнуть на поле боя или во время беспорядочного отступления русско-австрийских войск. Хорошо известно, что А. С. Пушкин негативно относился к Александру I, который у него – «кочующий деспот» («Сказки», 1818). А эпиграмма 1825 г. говорит сама за себя:

Воспитанный под барабаном,  
Наш царь лихим был капитаном:  
Под Австерлицем он бежал,  
В двенадцатом году дрожал,  
Зато был фрунтовой профессор!  
Но фронт герою надоел —  
Теперь коллежский он ассессор  
По части иностранных дел!

Поэт восторженно относился к первым годам царствования императора, потому что внутренняя политика того времени имела либеральные черты и обозначила вектор движения самодержавия в сторону конституционной монархии (движения, к сожалению, прерванного).

Интерес к личности императора Александра I достаточно высок. Он подогревается загадочностью облика этого государя (одно из его прижизненных прозвищ – Сфинкс), а также легендой об уходе в народ под именем старца Федора Кузьмича. Как видно из названия книги, мы не собираемся представить читателю еще одну работу об Александре I – государе и человеке. Нас интересует внутренняя политика российской власти, которую, конечно, направлял император (только в этой связи мы обращаемся к его характеристике). Поставленная как специальная, данная тема является неисследованной, хотя в ряде работ авторы к ней подходят.

Обратимся к историографии. По значимости для нашей темы мы выделяем книги М. И. Богдановича и К. Н. Шильдера. С одной стороны, в них подробно описывается жизненный путь Александра Павловича, а с другой – не менее подробно представлены внутри- и внешнеполитические проблемы страны. К тому же они охватывают весь период царствования

этого монарха. По нашему мнению, именно данные авторы более всех подошли к раскрытию темы внутренней политики<sup>1</sup>.

Обобщающие исторические труды Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского, А. А. Корнилова, Г. В. Вернадского, четвертый том многотомной Истории СССР с древнейших времен до наших дней и труды С. Б. Окуня в большей или меньшей степени затрагивают интересующие нас проблемы. Они ценны для нас тем, что вписали их в общий контекст истории XIX столетия<sup>2</sup>.

Не менее значимы работы, исследовавшие проблематику реформ и общественного движения в России в александровское царствование. Мы имеем в виду труды А. Н. Пыпина, В. И. Семевского, А. В. Предтеченского, Н. В. Минаевой, М. М. Сафонова и С. В. Мироненко<sup>3</sup>.

Имевшие в большей степени биографический характер книги великого князя Николая Михайловича, А. Е. Преснякова и А. Н. Сахарова отнюдь не заикливаются на личности Александра I, но поднимают и важные политические проблемы<sup>4</sup>.

На рубеже XIX–XX вв. был написан целый ряд юбилейных трудов различных государственных ведомств: Государственного совета, Сената, Комитета министров, министерств военного, морского, внутренних дел, финансов, юстиции, народного просвещения, а также Лесного департамента и Ведомства путей сообщения. Все они содержат ценные сведения о состоянии и работе соответствующих органов в рассматриваемое нами время<sup>5</sup>.

Достаточно обширен список трудов, использованных нами для выяснения отдельных вопросов. По сельскому хозяйству и крестьянству, торговле, банковскому делу и путям сообщения привлечены третий том Истории крестьянства России, а также книги автора этих строк, С. А. Покровского, С. Я. Борового и Э. Г. Истоминой. Государственная политика, система государственного управления и ведение военной кампании 1805 г. описаны у О. И. Елисевой, А. Г. Звягинцева и Ю. Г. Орлова, Л. Ф. Писарьковой, великого князя Николая Михайловича, С. М. Соловьева, В. А. Томсинова, Е. В. Мезенцева и Д. З. Фельдмана. Отношение Н. М. Карамзина к происходившим событиям и деятельность В. Н. Каразина представлены в трудах А. И. Герцена, М. Погодина, Ю. М. Лотмана и Л. Г. Кислягиной<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. 1; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 1–2; Он же. Император Павел Первый. М., 1996.

<sup>2</sup> История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 4; Окунь С. Б. История СССР (лекции). Конец XVIII – начало XIX века. Л., 1974. Ч. 1; Карамзин Н. М. История государства Российского. Тула, 1990. Т. X–XII. С. 496–549; Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 3; Вернадский Г. В. Русская история. М., 2002; Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 2004.

<sup>3</sup> Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900; Семевский В. И. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М., 1911. Т. 2; Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М. – Л., 1957; Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982; Она же. Век Пушкина. М., 2007; Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988; Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

<sup>4</sup> Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1; Пресняков А. Е. Александр I. Пб., 1924; Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998.

<sup>5</sup> Столетие учреждения Лесного департамента. 1798–1898. СПб., 1898; Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за сто лет его существования (1898–1898). СПб., 1898; Государственный совет. 1801–1901. СПб., 1901; Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1; Столетие Военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк развития военного управления в России. СПб., 1902. Т. 1; Огородников С. Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902). СПб., 1902; Министерство внутренних дел. Исторический очерк. СПб., 1902; Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 1; Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902; Столетие Военного министерства. 1802–1902. Конспекты исторических очерков столетия Военного министерства. СПб., 1906; История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911. СПб., 1911. Т. 3; Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. М., 2001.

<sup>6</sup> Герцен А. И. Император Александр I и В. Н. Каразин // Полярная звезда. 1862. Кн. 7. Вып. 2; Погодин М. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 1; Великий князь Николай Михай-

Использованные в нашей работе источники весьма разнообразны. Во-первых, это распоряжения верховной власти: именные, сенатские и синодские указы, высочайше утвержденные доклады Сената и министров. Они опубликованы в трех томах Полного собрания законов Российской империи. Мы имеем дело именно с распоряжениями по различным вопросам внутренней политики. Количество нормативных юридических документов среди них крайне невелико<sup>7</sup>. Впервые нами задействованы все материалы томов (за исключением немногих, имеющих не политическое, а сугубо частное значение).

Далее по важности следует поместить Архив Государственного совета, бумаги Комитета 6 декабря 1826 г., касающиеся преобразования высшего государственного управления, журналы заседаний «Негласного комитета», проекты и записки М. М. Сперанского, В. П. Кочубея, Н. С. Мордвинова, А. Р. Воронцова, письма Александра I Ф. С. Лагарпу, переписку П. В. Завадовского с А. Р. и С. Р. Воронцовыми<sup>8</sup>. Для выяснения многих вопросов политической и культурной жизни важны мемуары Г. Р. Державина, А. Чарторьского, Ф. Ф. Вигеля, П. Г. Дивова, В. Н. Головиной, Е. Р. Дашковой, Е. Ф. Комаровского, Р. С. Эдлинг, С. Шуазель-Гуфье и неизвестного саксонского дипломата<sup>9</sup>. Для оценки общественного мнения небесполезны стихи Д. В. Давыдова, издаваемый Н. М. Карамзиным журнал «Вестник Европы» и курируемый властями «Северный вестник»<sup>10</sup>.

---

лович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I. СПб., 1903. Т. 2; Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947; Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1957. Вып. 51; Боровой С. Я. Кредит и банки в России (середина XVII в. – 1861 г.). М., 1958; Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785–1803). М., 1976; Истомина Э. Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М., 1982; Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. М., 1991; История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. Т. 3; Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Око государево. Российские прокуроры. XVIII век. М., 1994; Они же. Тайные советники империи. Российские прокуроры. XIX век. М., 1995; Соловьев С. М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М., 1995; Демкин А. В. Британское купечество в России XVIII века. М., 1998; Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007; Мезенцев Е. В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 году (действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). М., 2008; Фельдман Д. З. О влиянии войны 1806–1807 гг. на положение еврейского населения Российской империи // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2008. Вып. 7 (Труды ГИМ. Вып. 179); Елисеева О. И. Екатерина Великая. М., 2010.

<sup>7</sup> Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. 26–28.

<sup>8</sup> Извлечения из заседаний «Неофициального комитета» // Богданович М. И. Указ. соч.; Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф. Ц. Лагарпу // Сборник РИО. СПб., 1870. Т. 5; Архив князя Воронцова. Кн. 11–12; М., 1883. Кн. 29; Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 1; Бумаги Комитета 6 декабря 1826 года, касающиеся преобразования высшего государственного управления // Сборник РИО. СПб., 1894. Т. 90; Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3; Сперанский М. М. Проекты и записки. М. – Л., 1961.

<sup>9</sup> Дивов П. Г. Повествование о царствовании императора Александра I для него одного писанное // Русская старина. 1899. Октябрь; Мемуары князя Адама Чарторьского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1; Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985; Державный сфинкс. М., 1999; Державин Г. Р. Записки. 1743–1812. М., 2000; Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000; Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Кн. 1.

<sup>10</sup> Вестник Европы. 1802. Январь. Ч. 1; Северный вестник. СПб., 1804. Ч. 1; Давыдов Денис. Сочинения. М., 1962.

## Глава первая

### Александр I как политический деятель

На формирование характера Александра Павловича решающее влияние оказали взаимоотношения его бабки – императрицы Екатерины II и отца – цесаревича Павла Петровича. В 1762 г. политическая группировка воспитателя цесаревича Н. И. Панина ратовала за провозглашение императором восьмилетнего мальчика, а матери – Екатерине Алексеевне – была уготована роль регентши до совершеннолетия сына. Но Екатерина сумела воспользоваться выгодной политической ситуацией и в 1762 г. вступила на российский престол самодержавной императрицей Екатериной II.

Когда в 1772 г. Павлу Петровичу «справили совершеннолетие», ничего не изменилось. Императрица не «поделилась с сыном властью». С этого момента стало нарастать реальное отчуждение матери и сына: Екатерина знала, что вокруг Павла группируются недовольные ее правлением, а цесаревича все более угнетала мысль, что им нарочно пренебрегают. Когда от второго брака Павла Петровича с Марией Федоровной 12 декабря 1777 г. родился первенец – Александр, не исключено, что императрица уже задумывалась о передаче престола чуждому ей по духу сыну. Александра, как и родившегося 27 апреля 1779 г. Константина, Екатерина II стала воспитывать так, словно это были ее собственные дети, при этом от родителей мальчиков не изолировали<sup>11</sup>.

Скорее всего, Александру уже с рождения Екатериной II была уготована роль наследника. Константина, как известно, она прочила в государя с престолом в Константинополе в соответствии с проектами Г. А. Потемкина<sup>12</sup>. Иначе бы императрица оставила обоих внуков на попечение их родителей. Тогда бы Александр и Константин воспитывались как обычные немецкие принцы, по типу их младших братьев – Николая и Михаила. Понятно, что чуткая придворная среда, в которой с первых лет жизни вращался Александр, не могла не передать ему ощущение себя неофициальным наследником престола Екатерины Великой.

Все мемуаристы подчеркивали, что Екатерина II любила Александра и видела в нем чуть ли не собственное отражение. Она говорила, что ее маленький внук «мог послужить художнику моделью купидона». Не было недостатка в славословиях в адрес царевича-ребенка: его внешняя красота гармонировала с красотой его души, его кротость влекла к нему всеобщую любовь и т. д. Но мальчик рос непростой. Характер Александра был много сложнее брата Константина: последний резкостью, прямолинейностью напоминал отца.

В 1784 г. к Александру и Константину приставили наставника – генерал-адъютанта Николая Ивановича Салтыкова. Почему Екатерина II выбрала именно этого человека на роль наставника столь дорогих ее сердцу внуков? Салтыков был человеком заурядным – на это обращали внимание мемуаристы, а вслед за ними и исследователи. Признавая его искусственность в придворной науке, ловкость, угодливость и преданность императрице, над генерал-адъютантом обычно подтрунивают: он «делал, что говорила жена, подписывал, что подавал секретарь». По замечанию одного из преподавателей великих князей – Массона, «главное занятие Салтыкова при великих князьях состояло в том, чтобы предохранить их от сквозного ветра и от засорения желудка». Графиня В. Н. Головина называла Н. И. Салтыкова «коварным и лукавым интриганом». Она, а вслед за ней историк Н. К. Шильдер придают фигуре воспитателя гораздо большее значение. Салтыков являлся гофмаршалом «малого» двора (то есть двора Павла Пет-

---

<sup>11</sup> Ключевский В. О. Указ. соч. С. 223; Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 34, 83, 138; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 24–27; Державный сфинкс. С. 240; Елисеева О. И. Указ. соч. С. 163–166, 187–190, 381, 397.

<sup>12</sup> Елисеева О. И. Указ. соч. С. 432.

ровича) и был в милости у цесаревича. Воспитатель старался лавировать между «большим», императрицыным двором и двором «малым». Это, разумеется, было известно Екатерине II и устраивало ее. Однако худшие черты характера Александра-мальчика – скрытность, умение лицемерить – проистекают от наставлений Салтыкова. Ребенку нужно было научиться нравиться и бабке, окруженной «изящной и безнравственной» толпой придворных, и отцу с его салдафонскими замашками.

Считается, что подбор преподавателей Александра и Константина был удачным: крупный географ Паллас, учитель русского языка и истории известный писатель М. Н. Муравьев (между прочим, отец будущих декабристов), учителя математики и физики Массон и Крафт и т. д. Наконец, сама Екатерина II немало усилий потратила на воспитание и обучение внуков: от определения принципов нравственного воспитания, сформулированных в специальной «Азбуке», до собственноручно написанных сказок<sup>13</sup>.

Сам Александр подчеркивал, что из учителей наибольшее влияние на него имел швейцарец Фридрих Сезар Лагарп. Современники недоумевали: зачем императрица пригласила известного своими республиканскими взглядами иностранца в качестве педагога к внукам-царевичам? Лагарпа Екатерине II порекомендовал ее давний европейский корреспондент барон Гримм. Швейцарец должен был послужить для Александра и Константина проводником политико-философских просветительских взглядов. Императрица отнюдь не чужда была идеям Просвещения. Она понимала, что в конце XVIII в. самодержавие и крепостное право в России – анахронизм. Но реальная жизнь не давала возможности уйти от этих средневековых институтов. Екатерина II осознавала, что Александру придется царствовать в XIX столетии, и желала, чтобы он был воспитан и образован как современный человек. Республиканизм Лагарпа ее, очевидно, не пугал: самодержавная Россия не могла перескочить к республике, минуя стадию конституционной монархии. Возможно, именно последней виделась Россия Екатерине Великой в XIX в. Учителем царевичей Лагарп стал уже в 1782 г., когда Александру шел пятый, а Константину – третий год. Поначалу он занимался с ними французским языком, а с 1784 г. начал внушать мальчикам благородные просветительские идеалы. Самого Лагарпа современники характеризовали как высокообразованного, благородного и романтически настроенного наставника. И он старался внедрить в умы и сердца своих маленьких слушателей представления о человеческом благе, гражданских свободах, равенстве людей, справедливости, непринятии деспотизма и рабства.

Надо сказать, Александр (в отличие от Константина) воспринимал это всерьез. Между ним и Лагарпом установились вполне доверительные отношения. Десяти – тринадцатилетний Александр в своих записках наставнику откровенно признавался в собственной ленности и эгоистичности. Он вполне осознавал свое особое положение «принца», который довольно самолюбив и не считает нужным с кем-либо соревноваться в учебе. Известно, что Французская революция была встречена великими князьями заинтересованно. В 1791–1792 гг. они сочувствовали объявленному равенству между людьми, критиковали старый монархический порядок, напевали во дворце революционные песни, показывали придворным трехцветные республиканские кокарды и спорили с ними о правах человека. Сама Екатерина II дала Александру прочитать текст конституции и конфиденциально с ним беседовала как с вероятным наследником престола.

Многие влияние Лагарпа на Александра оценивали негативно из-за восторженных либеральных мечтаний царевича, которые считались неуместными в России. Несмотря на все усилия по воспитанию и обучению Александра и его брата, их результаты оцениваются авторами

---

<sup>13</sup> Богданович М. И. Указ. соч. С. 2–3, 14–16, 20; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 17, 19–20; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. С. 29–34; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 378–380; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 29, 34–42; Державный сфинкс. С. 240; Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 74; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 99–101.

невысоко. По выражению В. О. Ключевского, все было «слишком хлопотливо». Александр обладал умом и дарованиями, «быстро схватывал всякую мысль», но вскоре остывал, не умея сосредоточиться на длительной и серьезной работе. Бросались в глаза поверхностность знаний и отмеченные самим царевичем лень, эгоизм и самолюбие<sup>14</sup>. К своему совершеннолетию (шестнадцатилетнему возрасту) царевич Александр Павлович представлял собой натуру противоречивую. С одной стороны, он был умен, скрытен, склонен к лицемерию (стремление нравиться «и вашим, и нашим»), самолюбив, эгоистичен, ленив, поверхностен в усвоении знаний, а с другой – охвачен либеральными идеями, отличался романтическими порывами, не желал быть деспотом на троне.

Красивый молодой царевич, любимец бабки-императрицы, безусловно, не имел недостатка в женском внимании, особенно в условиях гедонистического екатерининского двора. Императрица постаралась ограничить эти юные порывы внука посредством ранней женитьбы. На пятнадцатом году жизни нашего героя, осенью 1792 г., по приглашению Екатерины II в Петербург приехали баденские принцессы, на одной из которых – четырнадцатилетней Елизавете Алексеевне – 28 сентября 1793 г. еще не справившего шестнадцатилетие Александра женили. Понятно, что подобная спешка имела веские политические причины. Со своим сыном Павлом Екатерина II не торопилась (женила его восемнадцатилетним), а с внуком даже не дотерпела до формального достижения им совершеннолетия, и его парой стала четырнадцатилетняя девочка. А все вопрос о престолонаследии!

В 1793 г. Екатерина II решила-таки всерьез обратиться к этой теме. Через три недели после бракосочетания внука, 18 октября, она пригласила к себе Лагарпа, чтобы заручиться его поддержкой в уговорах Александра Павловича пойти на занятие престола в обход отца. Видимо, Александр не соглашался. Поскольку уговоры его бабки-императрицы не приводили к цели, нужно было привлечь к этому процессу его наставника, пользующегося влиянием на молодого царевича. Но Лагарп не согласился, объяснив это принципиальной невозможностью для себя содействовать придворным интригам. При этом он реально боялся за свою жизнь в случае, если заговор не удастся и все свалится на него – беззащитного иностранца. Подмечено было даже стремление Лагарпа способствовать сближению Александра с отцом, Павлом Петровичем.

В 1794 г. состоялось заседание Совета при высочайшем дворе, на котором Екатерина II прямо заявила о желании видеть своим наследником на престоле внука Александра. Совет чуть было не поддержал государыню, но помешало высказанное сомнение то ли графа В. П. Мусина-Пушкина, то ли графа А. А. Безбородко. Полагаем, что именно последний осмелился возражать императрице как фигура наиболее влиятельная в Совете (да и по восшествии на престол Павла I именно Безбородко, единственный из екатерининских вельмож, был буквально осыпан милостями: назначен государственным канцлером, возведен в княжеское достоинство и т. д.). Безбородко, по-видимому, уже тогда «играл» за Павла Петровича. Он также мог опереться на нежелание Александра отстранить от престола отца.

Возникает вопрос: почему Екатерина II в 1794 г. отступила, почему самодержавная государыня, как говорится, «не ударила кулаком по столу» и не приказала делать все так, как она хочет? Исследователи отмечают, что шестидесятипятилетняя императрица была уже не та, что прежде. После смерти в 1791 г. ее фактического соправителя и неофициального мужа светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического, Екатерина сильно сдала и морально, и физически.

<sup>14</sup> Герцен А. И. Указ. соч. С. 12–13; Богданович М. И. Указ. соч. С. 14; Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф. Ц. Лагарпу // Сборник РИО. Т. 5. С. 4–13; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 17–28; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. С. 35, 39–43; Семевский В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 153–154; Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1. С. 1–2; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 29–30; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 378–380; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 43–48; Державный сфинкс. С. 240. Корнилов А. А. Указ. соч. С. 100–102.

Ее фаворит П. А. Зубов не мог послужить ей опорой в государственных делах. Поэтому Екатерина II предпочла в 1794 г. не настаивать, хотя от своего плана престолонаследия не отказалась. Лагарпа же, не оправдавшего ожиданий, уволили с поста учителя великих князей под предлогом, что они уже выросли и в нем больше не нуждаются. При этом Александр Павлович, уже женатый человек, продолжал с трогательной заботой обращаться к Лагарпу, прося в записках извинения, что не может с ним встретиться из-за болезни супруги. Когда же царевич узнал об отставке наставника, он выразил «скорбь» по этому поводу, а также прямо написал, что должен отныне «оставаться один при этом дворе, который я ненавижу». В других записках Александр убеждал Лагарпа, что «обязан вам всем, кроме рождения», и что будет его «почитать... до последнего издыхания»<sup>15</sup>. 1795 год стал важной вехой в развитии Александра Павловича как личности. «Батюшка» настоял, чтобы Александр и Константин вместо одного раза стали приезжать в Гатчину четыре раза в неделю. Там они должны были часами участвовать в экзерцициях павловских гатчинских «потешных» войск, командуя батальонами. То есть наш герой втянулся в настоящую военную службу. Почему Екатерина II пошла на это? Она не могла не понимать, что, проводя таким образом время, ее внук неизбежно сблизится с отцом. Может быть, она считала, что Александр, воспитанный под ее руководством, достаточно «привит» от язвы солдафонства? Но тогда она ошибалась. Несмотря на то что наш герой оглох на левое ухо, стоя у самых пушек во время стрельбы, он с гордостью сообщал в письме Лагарпу, что действительно служит по военной части.

В том же 1795 г. Александр Павлович познакомился с польским аристократом князем Адамом Чарторыйским. Последний вместе с братом приехал в Петербург по семейным делам: после раздела Польши имения семьи попали под секвестр, и Екатерина II обещала вернуть их только в случае приезда братьев в столицу. То есть Чарторыйские в Петербурге находились на положении привилегированных заложников. Жаловаться на то, как приняло польских аристократов петербургское общество, они не могли. Вскоре Адам Чарторыйский сблизился с Александром Павловичем. В своих мемуарах поляк упоминает о частых беседах с глазу на глаз с русским царевичем в 1796 г. Александр признавался своему визави, что не поддерживает политику Екатерины II, и высказывал осуждение по поводу раздела Польши. Любимец бабки-императрицы подчеркивал, что ненавидит деспотизм и любит свободу. Не одобряя ужасов Французской революции, Александр желал успехов республиканскому правительству. Не преминул царевич выразить и свое восторженное отношение к Лагарпу. Причем его взгляды, по его свидетельству, разделяла и жена – Елизавета Алексеевна. Чарторыйский был сильно удивлен тем обстоятельством, что наследник Екатерины II «отрицал и ненавидел» ее убеждения.

Интимность отношений польского аристократа и русского царевича усугублялась. В их встречах участвовала и супруга Александра. Чарторыйский сделал вывод, что последний – «выученик 1789 г.»: он считал республику лучшей формой правления. Царевич также высказывался против наследования престола и за народный выбор властей. Подобные признания наш герой делал не только Адаму Чарторыйскому. Он переписывался с Лагарпом и В. П. Кочубеем (послом в Константинополе). Александр ругал существующие порядки, сетовал, как бы сейчас сказали, на коррупцию чиновников и пытался убедить своих слушателей и корреспондентов в желании вместе с женой бросить все и поселиться на какой-нибудь уединенной ферме не то в Швейцарии, не то в Германии<sup>16</sup>.

<sup>15</sup> Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф. Ц. Лагарпу // Сборник РИО. С. 14–22; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 28–29; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. С. 79, 103–107; Он же. Император Павел Первый. С. 241–247; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 381; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 61–62; Державный сфинкс. С. 241; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 102; Елисеева О. И. Указ. соч. С. 587–589.

<sup>16</sup> Герцен А. И. Указ. соч. С. 14; Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф. Ц. Лагарпу // Сборник РИО... С. 24; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 29–35; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. С. 98, 112,

Таким образом, Александр Павлович в последний год жизни Екатерины II резко критиковал ее политику. В этом он все более сходил с отцом – Павлом Петровичем. Окружающие, в частности А. Чарторыйский, отмечали, что царевичу нравится гатчинская служба. Правда, в этом видели скорее некую «игру», желание утвердить свое мужское начало. Екатерина II знала о сближении отца с сыном, гневалась по этому поводу, но своих планов по престолонаследию не изменила. Она сравнивала сына Павла на престоле с его отцом и своим мужем – Петром III и не желала подчинения русской политики интересам немецкой родни. В своем кругу она называла Павла Петровича и Марию Федоровну «немцами» и замечала, что не хочет, чтобы власть перешла в их руки. Императрица в 1796 г. не раз заводила все тот же разговор с Александром, безуспешно пыталась давить на сына Павла через его жену – Марию Федоровну, чтобы Павел сам отрекся от престола. Александр же обо всем рассказывал отцу.

16 сентября 1796 г. Екатерина II имела с внуком, по-видимому, последнюю беседу по этому поводу. Александр Павлович свой ответ на очередное предложение бабки подал в форме письма 24 сентября. Н. К. Шильдер считал, что текст письма царевич согласовал если не с отцом, то с матерью. И этот текст содержал в себе благодарность внука за доверие бабки. На самом деле Александр уже твердо решил не «перебегать дорогу» отцу. Существует также легенда о данной Александром соответствующей клятве Павлу в присутствии А. А. Аракчеева. Историк великий князь Николай Михайлович, впрочем, отрицает, что упомянутое письмо Александра написано с согласия родителей и что Аракчеев мог быть свидетелем символической клятвы. Почему же все-таки Александр Павлович отказался от многократных и настойчивых предложений Екатерины II стать ее преемником на престоле? Хорошо известно, что честолюбие и властные амбиции были вполне ему свойственны. Возможно, на его решение повлияли проснувшееся уважение к родителям и обида на бабушку за то, что она мешала проявлению отцовской и материнской любви, необходимой ребенку. А может быть, Александр в девятнадцать лет не желал становиться новым деспотом (правление Екатерины II он расценивал как деспотическое). Ко всему тому наш герой вел достаточно обычный для того времени образ жизни: увлекался женщинами, имел любовниц, а его жена состояла в связи с А. Чарторыйским. Противоречивость натуры Александра Павловича, отмеченная нами ранее, к моменту кончины Екатерины II 6 ноября 1796 г. еще более усугубилась: от высказывания либеральных идей и сочувствия республиканизму до увлечения военными экзерцициями и вахтпарадами<sup>17</sup>.

Известно, что в оставшихся от Екатерины II документах, в которых была сформулирована ее последняя воля, упомянуты ее старшие внуки: Александр и Константин, но нет места сыну и невестке – Павлу Петровичу и Марии Федоровне. Екатерина расценила тон письма Александра Павловича от 24 сентября как согласие на ее предложение (на самом деле внук применил тактическую уловку, чтобы не тревожить бабушку). Если бы два фактических душеприказчика усопшей императрицы – ее секретарь граф А. А. Безбородко и фаворит князь П. А. Зубов – проявили твердость и должную энергию, то Павел мог бы и не стать императором. Отказ Александра можно было бы парировать фразой, сказанной ему ночью 12 марта 1801 г. графом Паленом (об этом будет сказано ниже). Но Безбородко, как мы знаем, давно уже стоял на стороне Павла, а Зубов проявил свою обычную бесхарактерность. Эти два деятеля уже 6 ноября передали Павлу все бумаги Екатерины II, касающиеся престолонаследия, он их тут же сжег и расчистил себе путь к трону.

114, 116, 119; Он же. Император Павел Первый. С. 247–249; Семевский В. И. Указ. соч. С. 154–155; Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 33, 36, 69, 83–96; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 383–384; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 43–46; Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 117; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 105.

<sup>17</sup> Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. С. 120–132; Он же. Император Павел Первый. С. 243, 252–257; Мемуары князя Адама Чарторыйского. С. 97–101; Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. С. 3; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 49–58, 62–63; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 105; Елисеева О. И. Указ. соч. С. 592.

В нашу задачу не входит оценка царствования Павла I. Отметим лишь, что он старался изжить из всех сфер дух екатерининской политики и проявил себя на престоле подлинным деспотом. Казалось бы, Александр Павлович мог чувствовать себя спокойно: ведь он сделал все, чтобы убедить отца, что не является его конкурентом на троне. Но мнительный Павел все больше и больше начинал подозревать членов своей семьи (прежде всего обоих старших сыновей и жену) в вынашивании планов заговора против него. Действительно, почва для политического антипавловского заговора как будто специально готовилась самим императором. За четыре с небольшим года его правления недовольны проводимой им политикой оказались многие. К 1800 г. заговор созрел. Главное – Павлом I была недовольна верхушка дворянства. Ведь он считал, что равноудален от всех своих подданных без различия их сословной принадлежности. Император не понимал, что должен вести себя на престоле как первый по положению дворянин. Он забыл, что в момент Пугачевского восстания его мать, Екатерина II, громогласно объявила себя «казанской помещицей». И это было по достоинству оценено дворянством. В этих условиях нашлись несколько десятков гвардейских офицеров, готовых свести счеты с незадачливым государем.

В годы отцовского правления Александр Павлович быстро убедился в пагубности проводимого курса. В известном письме Лагарпу от 27 сентября 1797 г. он от положительной оценки первых шагов Павла I сразу перешел к острой критике его последующей политики. Теперь уже наследник престола считал, что все «перевернуто вверх дном», что язвы екатерининского правления только усугубились, неограниченная власть отца порождает «безрассудства», его строгость лишена «малейшей справедливости», все сословия России недовольны и т. д. В эти годы Александр Павлович сблизился с А. А. Аракчеевым (последний походил на Наполеона Бонапарта лишь тем, что в молодости также считался способным артиллерийским офицером). Аракчеев был человеком, способным смягчить гнев Павла I по поводу малейших упущений по службе, который император не стеснялся изливать, невзирая на лица<sup>18</sup>.

Настоящей отдушиной для нашего героя стал кружок молодых людей, в котором помимо самого близкого из них – князя А. Чарторыйского состояли граф Павел Александрович Строганов и Николай Николаевич Новосильцов. Все они были старше Александра Павловича (Новосильцов – на пятнадцать, Чарторыйский – на семь, а Строганов – на пять лет). А. Чарторыйский сообщает, что их окончательное сближение произошло в Москве, во время коронационных торжеств (март – апрель 1797 г.). Все они получили прекрасное образование и являлись сторонниками осторожного обновления России, используя опыт революционной Франции и английской парламентской монархии. Александр же как самый молодой из «кружковцев» был нетерпелив: он всерьез обсуждал планы дарования России после своего восшествия на престол конституции и объявления республики. Сам же цесаревич предполагал отречься от престола и удалиться в частную жизнь. Чарторыйский даже составил по просьбе Александра проект соответствующего манифеста. Друзья, с одной стороны, старались охладить республиканский пыл цесаревича, а с другой – отговорить его от мечтаний о частной жизни, находя их «эгоистическими».

Конечно, сближение четырех молодых людей не могло долго оставаться тайной. Об их встречах было доложено Павлу I. Высказывавшиеся друзьями идеи были чужды государю, а друзей сына-цесаревича он считал чуть ли не якобинцами (П. А. Строганов, как известно, будучи в Париже, посещал заседания якобинского клуба). Предваряя возможные гонения, друзья решили, что Новосильцову, состоявшему у начальства «на дурном счету», следует покинуть Россию, – и он уехал в Англию. Строганову было не привыкать коротать дни в своем имени (его за «якобинство» туда ссылали еще при Екатерине II). С Чарторыйским поступили

---

<sup>18</sup> Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 36–38; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. С. 132, 137, 161–162; Он же. Император Павел Первый. С. 258–449; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 58–60, 72–84; Елисеева О. И. Указ. соч. С. 592.

иначе: в 1798 г. он получил назначение послом от русского двора при сардинском короле и отбыл в Италию. Этому предшествовала придворная интрига, во главе которой стояла императрица-мать Мария Федоровна. Она убедила Павла I, что отцом только что родившейся у Елизаветы Алексеевны дочери (вскоре умершей) является князь Адам, а не цесаревич Александр. Удаление Чарторыйского из Петербурга можно рассматривать как почетную ссылку.

В 1798 г. в столицу вернулся из Константинополя давний знакомый и корреспондент Александра Павловича – Виктор Павлович Кочубей (был старше нашего героя на девять лет). Кочубей являлся племянником А. А. Безбородко, и поэтому Павел I встретил его милостиво, назначил вице-канцлером, даровал графский титул, но в 1799 г. отстранил от дел, и Виктор Павлович отправился за границу. Так в 1799 г. Александр Павлович лишился общества близких ему людей. Лишь жена, Елизавета Алексеевна, оставалась единственной близкой по духу собеседницей наследника престола<sup>19</sup>.

Мы не станем подробно останавливаться на деталях подготовки и осуществления антипавловского дворцового переворота. Тем более что никто из мемуаристов и исследователей не называет Александра Павловича в числе деятельных участников и того, и другого. На ранних этапах оформления заговора главную роль играл граф Н. П. Панин (племянник почитаемого Павлом I воспитателя Н. И. Панина). Панин характеризуется как «англоман», он состоял в связи с английским послом Уитвортом (после разрыва Павлом I в 1800 г. отношений с Англией англичане реально поддерживали заговорщиков, прежде всего финансами). Но в декабре 1800 г. Панин был отстранен государем от службы в Коллегии иностранных дел и сослан в свое имение. На первые роли выдвинулся граф П. А. Пален, который и довел дело до конца. Он смог заручиться полным доверием императора и по должности петербургского военного губернатора являлся самым влиятельным лицом среди заговорщиков. Именно Пален убедил Павла I вернуть из ссылки братьев Зубовых, вокруг которых также начали сосредотачиваться недовольные государем.

С Александром Павловичем заговорщики беседовали уже на ранних этапах своего предприятия. Есть сведения, что граф Панин даже обсуждал с цесаревичем необходимость ограничить самодержавие посредством конституционных мер после вступления на престол. Почему Александр Павлович, как утверждают и мемуаристы, и историки, дал согласие на отстранение отца от престола? Его положение наследника царствующего императора становилось все более шатким. Павел проявлял все большую подозрительность. Он не мог не знать, что недовольных его распоряжениями среди высшего дворянства и гвардейского офицерства много. С другой стороны, мнительность государя имела причину и в состоянии его психики (некоторые утверждали, что он близок к помешательству). У императора окрепла мысль, что во главе заговора против него стоят самые близкие ему люди: супруга и оба старших сына. В разговорах со своими доверенными людьми он начал рассуждать, что может приказать посадить в крепость Александра и Константина, а жену, Марию Федоровну, заточить в монастырь. Возможно, Павел I обдумывал и такой ход: объявить своим наследником племянника супруги – принца Евгения Вюртембергского. Неслучайно тот в 1800 г. прибыл в Петербург и был обласкан государем.

Вообще же отец как будто специально вызывал в душе сына Александра сомнения по поводу своего положения наследника престола. В 1799 г., после возвращения Константина Павловича из армии А. В. Суворова, с которой тот участвовал в Итальянской кампании, Павел I объявил своего второго сына также цесаревичем. То есть Константин по статусу наследника престола сравнился с Александром. Видимо, Павел желал вызвать соперничество между сыно-

<sup>19</sup> Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. С. 161–164, 171; Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 36–37; Мемуары князя Адама Чарторыйского. С. 137–143, 170; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 66, 84–86; Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 117–118, 195–198, 420.

вьями. Но Константин не включился в эту игру и не дал повода старшему брату подозревать себя. К 1800 г. Александр Павлович уже стал реально опасаться за свою судьбу, кроме того, его окружение и заговорщики постоянно говорили, что оставить Россию под управлением Павла I – значит погубить страну.

В литературе высказываются два основных мнения о роли Александра Павловича в событиях ночи 12 марта 1801 г. Одни авторы утверждают, что наш герой в конце концов согласился занять престол в случае отречения отца и сохранения ему жизни. При этом часто ссылаются на то, что хитрый и коварный Пален показал Александру подписанный императором указ об аресте членов своей семьи. Тут уж цесаревич вынужден был решиться, но по свойственным ему мягкости и беспечности не думал о последствиях и дождался в своих покоях завершения действий заговорщиков.

Другая версия предполагает иную характеристику личности нашего героя. Александр, как мы уже отмечали, отличался честолюбием и скрытностью. Он был способен изображать мягкость и уступчивость, но при этом твердо идти к намеченной цели. Решение сместить отца с престола пришло к нему не в последний момент, а задолго до 11 марта 1801 г. Сам граф П. А. Пален позднее сообщал: Александр потребовал от него поклясться, что отец останется в живых. Но тут же Пален признался в обмане, поскольку не верил в возможность сохранить жизнь свергнутому императору. Это было опасно: ведь в гвардии служили и преданные Павлу офицеры, а среди солдат он пользовался популярностью. Вряд ли Александр был столь наивен, что твердо верил в обещание Палена (все помнили судьбу Петра III). Кроме того, приводятся известия, что именно Александр Павлович посоветовал Палену осуществить намеченное в день, когда на главный караул в Михайловском дворце заступит третий батальон Семеновского полка, на чью преданность цесаревич мог рассчитывать. По нашему мнению, вторая версия ближе к истине<sup>20</sup>.

В первом часу ночи 12 марта 1801 г. граф П. А. Пален появился в апартаментах Александра Павловича в Михайловском дворце и сообщил о кончине Павла I. Сюда же пригласили и Константина Павловича. Александр с женой не спали и были одеты для соответствующего моменту выхода на люди. То есть о беспечности цесаревича говорить не приходится. Он заранее готовился к важным событиям. Слова Палена привели Александра в «неописанную горечь»: он рыдал. Наконец глава заговорщиков произнес по-французски фразу, ставшую хрестоматийной. В вольном русском переводе она звучит так: «Хватит ребячиться, идите царствовать!». Такое не забывается! Политическая судьба графа П. А. Палена решилась в ту же минуту. Александр Павлович вышел на балкон, чтобы показаться войскам (графиня С. Шуазель-Гуфье утверждала, что он «лишился сознания» и его «пронесли среди рядов солдат»). Известна еще одна хрестоматийная фраза, произнесенная Александром по-русски, когда он обратился к солдатам: «Батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при мне будет, как при бабушке». Мы полагаем, что наш герой вполне мог допускать гибель «батюшки» в ходе переворота. Однако относить его бурную трагическую реакцию на это только к игре, к его способности лицемерить мы не стали бы. Как ни крути, но считать себя причастным к насильственной смерти отца, хотя бы и косвенно, Александр мог. А по христианским заповедям это смертный грех. Даже в наше время подобное расценивается в общественном мнении как тягчайшее преступление, что уж говорить о том времени, когда христианским ценностям следовали строже. Александр Павлович мог действительно искренне скорбеть о гибели отца.

---

<sup>20</sup> Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. С. 7–10; Мемуары князя Адама Чарторыйского. С. 202, 224; Семевский В. И. Указ. соч. С. 155–156; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 39–40; Окунь С. Б. Указ. соч. Ч. 1. С. 121–130; Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 449–476; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 86–96; Державный сфинкс. С. 243–249; Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 217–218; Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 197; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 108.

В литературе стало общим мнение, что терзания по этому поводу сопровождали Александра I всю жизнь (а то, что от его брака и от побочных связей не рождалось жизнеспособное потомство, он считал Божьей карой). Утверждение ряда авторов о реальности ухода императора Александра в 1825 г. в народ под видом старца Федора Кузьмича может быть признано логичным исходом грешника.

Всех, в том числе и сына, удивила реакция на кончину супруга императрицы-матери Марии Федоровны. Конечно, она знала о готовящемся заговоре и, разумеется, была осведомлена, какую участь ей готовил муж-император. То, как себя вела Мария Федоровна, нельзя назвать обычной истерикой внезапно овдовевшей женщины. Она громко требовала пропустить ее к телу мужа, на что ей было сказано, что новый государь это «не приказывал». Тогда императрица пыталась обратиться к солдатам, что тоже было пресечено. Есть сведения, что до самого утра 12 марта она не желала признавать сына новым императором и требовала, чтобы он отчитался во всем перед ней. Исследователи объясняют претензии Марии Федоровны давней договоренностью между нею и Павлом Петровичем (имелись и письма последнего), что в случае внезапной смерти Екатерины II и отсутствия мужа в столице она принимает на себя обязанности правительницы либо до возвращения супруга, либо до совершеннолетия сына Александра. Законно занять престол после Павла I Мария Федоровна не могла: по павловскому законодательству об императорской фамилии 1797 г. престол автоматически переходил к старшему прямому наследнику мужского пола. Сын Александр Павлович был уже совершеннолетним и по закону занял престол под именем Александра I. Чего было больше в поведении Марии Федоровны в первые часы после гибели мужа – искренней скорби или политики, сказать трудно. Но с этого момента вокруг императрицы-матери сгруппировался кружок критиков политики ее сына-императора. Хотя Мария Федоровна продолжала называть его прилюдно «наш ангел», он не обманывался по поводу отношения к себе матери<sup>21</sup>.

Итак, двадцатитрехлетний Александр Павлович вступил на российский престол. Это был не наивный, романтически настроенный мальчик. Способности политика он проявлял еще в правление Екатерины II. Четыре с лишним года царствования отца, Павла I, закалили характер нашего героя. Он возмужал, стал неплохо разбираться в людях и собирался проводить вполне осознанную политику. Александр Павлович не подверг юридическому осуждению убийц своего отца, хотя по законодательству они совершили тягчайшее преступление. Это и понятно: ведь он сам был с ними связан. Однако он им не простил их участия в перевороте. На другой день после своего воцарения молодой император удалить наиболее влиятельных из них не мог. Нужно было время, чтобы сделать это без лишнего шума.

Первым 17 июня 1801 г. был отставлен со всех постов граф П. А. Пален. У пишущих об этом периоде истории России не нашлось слов сочувствия к этой персоне. Пален, сделавшись в последние месяцы павловского царствования наиболее приближенным и доверенным лицом государя, одновременно плел против него нити заговора, не брезгуя провокациями. Такой человек был, ко всему прочему, опасен. К тому же он претендовал на руководство молодым государем.

Раньше или позже все влиятельные фигуры заговора оказались не у дел. Единственным, кого Александр I использовал на высших постах в армии во время войн с Наполеоном, был генерал Л. Л. Беннигсен. Он обладал определенными полководческими способностями и к тому же по своему рождению в Ганновере являлся подданным британской короны.

В первый период своего царствования (1801–1805) император Александр I представлял собой молодого, стройного, красивого, изящно одевавшегося мужчину, имевшего большой

<sup>21</sup> Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. С. 11–12; Мемуары князя Адама Чарторыйского. С. 212, 225–226; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 40–42; Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 476, 479; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 96–99, 101–108, 261–278; Державный сфинкс. С. 249–250; Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 197, 518; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 108.

успех у женщин и умевшего пользоваться ими в своих интересах. На публике на его лице замечалась благожелательная улыбка, а в его речах сквозили учтивость и деликатность. Александр Павлович стремился обворожить собеседника, рассыпал любезности и слушал с неподдельным вниманием. Словом, рано проявившееся в нем умение нравиться окружающим отточилось до совершенства. Никуда не исчезли свойственные новому императору тщеславие и честолюбие, скрытность и упрямство. Появилось после 12 марта 1801 г. чувство страха: раз могли убить отца, то могут убить и его! Кроме того, государя упрекали в проявлениях робости, пассивности, праздности, лености, несклонности к систематическим занятиям. Что ж, человеческие слабости свойственны и монархам. Однако наш герой хорошо умел владеть собой, и окружающим было не просто проникнуть в тайники его души.

Гатчинская школа не прошла для Александра Павловича даром. Подобно отцу он вконец теперь уже со своим наследником, цесаревичем Константином Павловичем, с 13 марта стал ежедневно присутствовать на вахтпараде. Что ж, у первого лица в государстве не нашлось более серьезных занятий, нежели смотреть на развод дворцовых караулов? Ведь теперь никто не мог заставить Александра это делать. Павел I – солдафон до мозга костей, но характер Александра был иным. Видимо, гатчинство проникло в плоть и кровь молодого императора. Он сохранил поначалу павловские военные уставы (по поводу которых А. В. Суворов не мог говорить без сарказма), считая, что главное в воспитании войск – маршировка и выправка, а не действительно боевая подготовка.

Полагаем, что наш герой, по крайней мере до аустерлицкого разгрома, мог искренне верить, что доведенная до автоматизма «фрунтовая механика» принесет победу в сражении. Это мнение разделял и его брат Константин Павлович, а военное окружение во главе с генерал-адъютантом князем П. П. Долгоруким вселяло в Александра I шапкозакидательские настроения накануне Аустерлица. Весьма характерно для гатчинских пристрастий детей Павла I то, что Константин велел русской гвардии в 1805 г. идти из Петербурга до Ольмюца (ныне Оломоуц в Словакии) три месяца «в ногу, печатая строевой шаг»! Позже сам Александр I приказал армии пять дней двигаться от Ольмюца до Аустерлица также в ногу. М. И. Кутузов потому и был фактически отстранен от командования войсками, поскольку не являлся гатчинцем<sup>22</sup>.

К моменту восшествия на престол 12 марта 1801 г. двадцатитрехлетний Александр I прошел школу екатерининского Царского Села и павловской Гатчины, что дало ему возможность изучить придворную жизнь в столь разных ее условиях. Уроки Лагарпа познакомили его с современными политико-философскими идеями. Характер молодого государя сформировался противоречивым. Главное, что он осознал – это необходимость реформировать существующую социально-политическую систему России. Преобразования в различных сферах жизни – вот основная задача первых лет царствования Александра I как политического деятеля.

---

<sup>22</sup> Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. 2. С. 12; Мемуары князя Чарторыйского. С. 203, 208–209, 360; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 66–70, 93, 109, 127, 216; Державный сфинкс. С. 167–168, 509–510; Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 197; Корнилов А. А. Указ. соч. С. 110; Мезенцев Е. В. Указ. соч. С. 49, 155, 157–158, 263.

## **Глава вторая**

### **Исправление «гримас» царствования «незабвенного родителя» и внутренняя политика первых месяцев правления Александра I**

Как уже было замечено, Александр I, выйдя к войскам 12 марта 1801 г., вскоре после кончины отца, сказал: «Все при мне будет, как при бабушке». Вот и в вышедшем тогда же манифесте, объявлявшем о кончине Павла I и вступлении на престол Александра I, новый государь обещал народу, что править будет «по законам и по сердцу... бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великой»<sup>23</sup>. Мы хорошо знаем, сколь критически относился Александр Павлович к правлению Екатерины II. А тут ему приходилось публично клясться, что он будет править своим народом по ее «законам и по сердцу».

Дело все в сложившейся ситуации, когда политически мыслящие слои населения желали возврата к екатерининскому «просвещенному абсолютизму». Едва ли найдется другой пример в истории России, когда современники-мемуаристы столь красочно описывали бурную радость при смене одного монарха другим. Некоторые из них даже объявляли эту радость всенародной. На наш взгляд, правы те современники, которые реакцию на смену правления не простирали столь далеко. Эту точку зрения выразил А. Н. Пыпин, заметив, что «народ, кажется, остался довольно равнодушен к происшедшему, но в обществе вступление Александра на престол было всеобщей радостью». В данном случае, «общество» и есть политически мыслящие слои населения, чьи настроения Александр I обязан был учитывать. Это – широкие слои дворянства (прежде всего офицерство и чиновничество), формирующаяся городская интеллигенция и торгово-предпринимательские круги городских обывателей.

Возврат на позиции «просвещенного абсолютизма» происходил путем отмены наиболее непопулярных павловских мер. Новый император приступил к этому буквально на следующий день после восшествия на престол. Сгруппируем его решения по соответствующим направлениям политики.

1. Помилование заключенных и наказанных и облегчение их участи. 13 марта именным указом Военной коллегии предписано было считать отставленными от службы тех генералов, офицеров и военных чиновников, которые были «выключены из военной службы» по суду и без суда. 15 марта именным указом Сенату эта же мера была распространена на гражданских чиновников. Так же 15 марта именным указом Сенату «прощал» людей, содержащихся в крепостях, сосланных на каторжную работу в разные места и состоящих под надзором полиции, лишенных чинов и дворянства, чьи дела производились в Тайной экспедиции. По четырем спискам таких лиц перечислено 156 (в их числе А. Н. Радищев, будущий известный генерал А. П. Ермолов и т. д.). Тогда же был принят Манифест о прощении «беглецов», укрывающихся за границей. Все их вины «предаются забвению... кроме смертоубийства». Манифест об уничтожении Тайной экспедиции был принят 2 апреля. Тогда же другой манифест освобождал всех находившихся под следствием и судом чиновников и «всякого звания людей», не совершивших тяжких преступлений, как то: убийство, разбой, лихоимство. Казенные взыскания до 1 тысячи рублей прощались. Осужденные преступники освобождались из-под стражи и ссылались «в работу», а осужденные еще и к телесному наказанию от него освобождались и отправлялись «на поселения». Именной указ Синоду от 22 мая освобождал священников и дьяконов

---

<sup>23</sup> ПСЗ. Т. 26. № 19779.

от телесных наказаний. В литературе приводится цифра: 12 тысяч помилованных и уволенных со службы могли вновь в нее вступить.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.